

Д. А. Бажанов

**«ВЕЛИКАЯ И БЕСКРОВНАЯ» В СТОЛИЦЕ ФИНЛЯНДИИ:
РУССКИЕ ВОЕННЫЕ, ПОГИБШИЕ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ
3–5 МАРТА 1917 Г.**

Погибшие в дни Февральской революции военные удостоились упоминаний далеко не сразу. Одним из обстоятельств, повлиявших на такое отношение, стал создаваемый с первых дней миф об ее бескровности, в чем немалую роль сыграл А. Ф. Керенский¹. Другим обстоятельством стало значительно большее количество погибших со стороны «защитников режима», что весьма наглядно подтвердилось во время торжественных церемоний похорон «жертв революции» в марте — апреле 1917 г. Наконец, еще одной причиной стала убежденность в том, что основная часть убитых погибла по своей вине — из-за несправедливого и даже жестокого обращения с подчиненными.

Это относилось и к русским военным, находившимся в Гельсингфорсе. Моряк С. Волынский призвал в своих стихах «поднять нож» на тех, «кто рвал с голодного, измученного брата Последний грош»². Вероятно, подобные призывы все же старались не печатать. В то же время несколько упоминаний о присутствии такого восприятия настоящего в частных письмах было обнаружено. Так, 6 марта члены Гельсингфорского Совета постановили отправить «на некоторые корабли и части» воззвания с призывом «успокоить всех товарищей, кондукторов — отправить в крепость, но не убивать»³. 13 марта на заседании Исполкома Гельсингфорского совета выступал председатель военной цензурной комиссии, сообщивший о появлении большого количества писем со стороны матросов и солдат «восхваляющих убийства во время революции и, в частности, убийства офицеров». По итогам обсуждения члены ИК решили такие письма уничтожать. Показательным является и постановление полкового комитета 2-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка, опубликованное накануне, о недопустимости подобных писем⁴.

В советской исторической науке до 1960-х гг. исследователи обходили этот вопрос стороной. Первым количество погибших военных моряков на Балтийском флоте, в том числе и в Гельсингфорсе (45 офицеров), в февральско-мартовские дни оценил В. В. Петраш⁵.

Вопрос о количестве погибших в дни февральско-мартовских событий на Балтике попал в сферу внимания историков еще в начале 90-х гг. Тогда впервые появился список из 81 фамилии морских офицеров, офицеров по Адмиралтейству, а также нижних чинов, убитых в то время, составленный А. М. Чижовым⁶. Е. Ю. Дубровская, используя обнаруженный ею в Национальном архиве Финляндии «Список убитым чином, погребенным и оставленным за опознанием родственников при лазаретах» от 8 марта 1917 г., зафиксировала в нем 43 фамилии, куда вошли не только моряки, но и офицеры Свеаборгской крепости, пехотных частей, а также двое представителей гражданского населения⁷. В то же время эти данные «не дотягивали» до количественных показателей Петраша, впоследствии воспроизведенных в исследованиях С. В. Волкова и М. А. Елизарова⁸, а также А. М. Чижова. В 1997 г., благодаря усилиям В. В. Лобыцына, к 80-летию Февральской революции, в Успенском соборе Хельсинки была открыта мемориальная доска с их именами. Всего на ней указано 59 имен, часть из которых относится, правда, к более позднему периоду⁹.

Свою попытку подсчета погибших офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе предпринял К. Б. Назаренко. С этой целью он использовал данные приказов по армии и флоту. В результате он пришел к выводу, что «жертвами самосудов в марте 1917 г. можно считать не менее 55 и не более 71 офицера морского ведомства (не включая сюда самоубийц)». К сожалению, отдельных данных по столице Финляндии он не привел¹⁰.

На сегодняшний день наиболее полным и достоверным источником является монография Ф. К. Саберова¹¹. Отдельная глава в ней посвящена событиям в Гельсингфорсе. Исследователь дотошно использовал неопубликованные источники из Российского государственного архива военно-морского флота. Особого внимания заслуживает подробный биографический справочник, помещенный в конце работы. В то же время эта монография посвящена погибшим офицерам всего Балтийского флота. Кроме того, представители сухопутных частей остались вне поля зрения автора.

Таким образом, исследователи либо предпринимали попытку подсчитать погибших одной профессиональной группы, зачастую в контексте всего Балтийского флота, либо располагали не вполне полными данными. В данной статье мы попытаемся восстановить максимально полный список погибших 3–5 марта в Гельсингфорсе русских военных. В достижении цели значительную помощь окажут несколько источ-

ников. Прежде всего, это уже упоминавшийся «Список убитым чинам, погребенным и оставленным за опознанием родственников при лазаретах», подготовленный для секции охраны народной свободы Гельсингфорского Совета¹². Кроме него мы располагаем уточненным «Списком убитых офицеров, матросов и солдат», составленным по распоряжению начальника той же секции М. Островского¹³. Также мы имеем возможность уточнить места захоронения вошедших в эти списки благодаря донесению в секцию охраны народной свободы заведующего эвакуационной частью Гельсингфорского комендантского управления, «Списка военнослужащих, погибших во время войны и революции и погребенных на Гельсингфорском православном кладбище» от 25 июля 1921 г.¹⁴ Дополняют эти материалы наблюдения бывшего старшего цензора Финляндской военной цензуры Д. Л. Казанцева¹⁵.

Первые сообщения о погибших поступили в штаб флота — единственное учреждение, пытавшееся обуздать начавшийся мятеж в ночь на 4 марта. Судя по переговорам с Петроградом, это случилось около часа ночи. Тогда в силу трудностей с получением информации в штабе знали лишь о гибели офицеров на линкорах 2-й бригады «Император Павел I» и «Андрей Первозванный»¹⁶. Напомним, что именно их команды стали зачинщиками бунта около 19 ч. 3 марта 1917 г. Поводом к началу событий стала попытка старшего офицера «Павла» старшего лейтенанта В. А. Яновского разогнать матросов, стоявших на баке и переговаривавшихся с матросами соседнего «Андрея Первозванного». На «Павле» в первые минуты погибли старший офицер, а также вахтенный офицер лейтенант Н. Н. Савинский, охранявший карцер, и мичман А. Г. Булич. В своей каюте был убит пытавшийся оказать вооруженное сопротивление М. Р. Шиманский¹⁷. На соседнем линкоре первым был застрелен начальник бригады контр-адмирал А. К. Небольсин. Он собирался по льду добраться до штабного корабля «Кречет», однако после первых выстрелов вернулся на линкор. Пока он поднимался по сходне, в него несколько раз выстрелили. Следующей жертвой стал вахтенный офицер лейтенант Г. А. Бубнов, который попытался не дать нижним чинам поднять красный флаг¹⁸.

4 марта в 8 ч. 45 мин. новому морскому министру А. И. Гучкову командующий флотом вице-адмирал А. И. Непенин передал полученные им сведения из госпиталей. Помимо подтверждения гибели А. К. Небольсина список пополнил еще один умерший на «Андрее Первозванном» — получивший при перестрелке в кают-компании не менее двух ран мичман Т. Т. Воробьев¹⁹.

Другим центром кровопролития стали ночью небольшие корабли, поэтому следующая группа погибших была оттуда. На эскадренном

миноносце «Уссуриец» погибли командир, капитан II ранга М. М. Поливанов и инженер-механик, старший лейтенант А. Н. Плешков, на миноносце «Гайдамак» — мичман Г. В. Биттенбиндер (в документе ошибочно — «Биттенминдер»). Также в донесении указан командир сетевого заградителя «Зея» лейтенант граф В. М. Подгоричани-Петрович²⁰.

Также за ночь поступили данные о гибели нескольких унтер-офицеров. Первым из них был артиллерийский кондуктор канонерской лодки «Хивинец» В. Д. Лысов²¹. Также была получена информация о смерти электрика-кондуктора с «Андрея Первозванного» М. Е. Дроздова²². По информации Д. Л. Казанцева, этот человек погиб под утро 4 марта «потому, что он уговаривал матросов разойтись и не бунтовать»²³. Третьим в списке был указан боцман линкора «Слава» В. Василенко²⁴. Судя по воспоминаниям инженер-механика лейтенанта К. И. Мазуренко, он стал «случайной жертвой на “Славе” безумия, охватившего в революционном хаосе часть матросов»²⁵.

После начала функционирования нового революционного органа власти — Совета — эта информация стала поступать туда. Точнее — в секцию охраны народной свободы. Полагаем, что это связано как с попытками «отомстить мертвым», т. е. надругаться над телами погибших, так и с тем, что именно эта секция взяла на себя поддержание порядка в городе и окрестностях.

8 марта на основании данных Патологического музея и Гельсингфорского военного госпиталя был подготовлен «Список убитым чинам». Как следует из заголовка, в покойницких тела убитых оставались до опознания и изъятия их родственниками для похорон. В отличие от предыдущей информации этот список включал уже не только морских, но и сухопутных офицеров, а также нижних чинов.

Согласно документу, в Патологическом музее зарегистрировали 16 погибших русских военных²⁶. Обращает на себя внимание, что не все были опознаны, из описания не всегда ясно, моряки они или солдаты. Именно там, в частности, оказались тела В. А. Яновского, Н. Н. Савинского и А. Г. Булича. Кроме них назван лейтенант А. П. Ефимов, командир посыльного судна «Куница». По данным вахтенного журнала, лейтенант был убит около 16 ч. 4 марта неизвестными матросами, которые требовали выдачи оружия, находившегося на этом корабле. После отказа А. П. Ефимов был выведен на верхнюю палубу и там застрелен. При этом бросается в глаза, что никто не попытался вступить за своего командира²⁷. Аналогичным образом погиб и командир транспорта «Твердо» лейтенант А. О. фон Стихт. В донесении прапорщика по морской части Н. Берга на имя начальника отряда транспортов, обнаруженном Ф. К. Саберовым, сообщалось, что командир погиб в 8 ч. 30 мин., будучи

застрелен «пришедшими вооруженными солдатами и матросами». Отмечалось и время передачи тела в Патологический музей²⁸. Это случилось в 16 ч. 30 мин., что позволяет уточнить временные рамки поступления убитых туда — вторая половина 4 марта.

Также там оказались тела и двух старших унтер-офицеров. Первым из них был М. Е. Дроздов, другим — неизвестный боцман, «очень полный, сверхсрочнослужащий, три шеврона на рукаве»²⁹.

Следующая группа — сухопутные офицеры. Первыми по старшинству необходимо назвать командира 128-й дивизии генерал-майора П. А. Тихоновича (Тихановича) и прикомандированного к штабу дивизии генерал-майора Отдельного корпуса жандармов М. Ф. фон Котена (Коттена), бывшего начальника Московского и Санкт-Петербургского охранных отделений³⁰. По сведениям Д. Л. Казанцева и Г. К. Графа, оба погибли 4 марта днем. Толпа солдат остановила их автомобиль около Вокзальной площади после того, как на соседних улицах послышалась стрельба. После отказа сдать оружие Тихонович и Котен были из него вытщены и убиты³¹.

Здесь оказались и двое убитых офицеров 510-го Волховского полка. Первым из них оказался командир, подполковник А. Н. Дмитриевский, другим — неизвестный прапорщик. Обстоятельства их смерти не установлены, по-видимому, они были убиты 4 марта, когда группа неизвестных матросов пыталась «снять» полк и повести его на Сенатскую площадь. Судя по тому, что Д. Л. Казанцев назвал в числе напавших на П. А. Тихоновича и М. Ф. фон Котена и солдат этого полка, сделать это, по крайней мере, отчасти, удалось³². По имеющейся информации, после казарм 510-го полка матросы направились в саперные казармы, где располагалась Свеаборгская крепостная воздухоплавательная рота. В канцелярии был убит ее командир, штабс-капитан Д. Г. Левицкий, а также ротный фельдфебель подпрапорщик Пушкин, также доставленные в Патологический музей³³. Наличие последней фамилии и его принадлежность к 510-му полку позволяет уточнить распространенную неточность, введенную впервые в работе С. В. Волкова, который отнес Пушкина к прапорщикам по Адмиралтейству³⁴. Можно согласиться с выводом Ф. К. Саборова о «в действительности не существовавшем» прапорщике по Адмиралтейству Пушкине³⁵, но необходимо учитывать подпрапорщика 510-го полка Пушкина.

Есть еще одна группа — неизвестные погибшие. К ней относятся 5 чел. Прежде всего, это двое русских военных. О них сохранились лишь описания. Один — «неизвестный среднего роста, без усов и бороды», второй — «около 20 лет, без усов и бороды, шатен, нос горбом»³⁶. Ситуация осложняется тем, что к моменту составления списка оба тела были «отправлены», т. е. изъяты для захоронения. Еще двое — это представи-

тели местного населения. Они были отмечены отдельно, их имена установить не удалось. Наконец, одно имя попало в списки явно ошибочно. Речь идет о некоем «мичмане Зыбине». Установлено, что такой офицер в составе Балтийского флота к марту 1917 г. был один. Это вахтенный офицер с линейного корабля «Андрей Первозванный» Г. Б. Зыбин. Однако в дальнейшем он продолжил службу на этом корабле. Впоследствии оказался на службе в составе РККФ, попал в плен к эстонцам на миноносце «Спартак», перешел на сторону белых. После Гражданской войны оставался в Эстонии³⁵. Каким образом, кто и почему мог сообщить такие сведения сотрудникам музея, определить не удалось.

В Гельсингфорском военном госпитале находилось еще 25 погибших. Их список разделен еще на четыре части, озаглавленные «Гельсингфорский военный госпиталь», «Находящиеся в покойнице госпиталю», «Увезены», а также «Кроме того, не похоронены». Судя по их содержанию, они составлялись в хронологической последовательности. Об этом свидетельствует, в частности, большое количество неизвестных (7 тел) в первой части, которых, возможно, просто не успели еще опознать. Также во вторую часть были включены имена командира Свеаборгского порта генерал-лейтенанта флота В. Н. Протопопова и занимавшего должность младшего судостроителя порта поручика корпуса корабельных инженеров Л. Г. Кириллова. Оба были убиты 5 марта, став одними из последних жертв революции. Судя по воспоминаниям матроса транспорта «Покой» Т. Липпика, а также Д. Л. Казанцева, их гибель оказалась связана с митингом для рабочих порта и команд кораблей, размещавшихся по соседству, который провел прибывший из Петрограда в составе делегации депутат Государственной думы и товарищ председателя Петроградского Совета М. И. Скобелев. Упоминание Скобелевым последнего министра внутренних дел императорской России А. Д. Протопопова вызвало недовольство в толпе. После этого командир порта несколько раз заявил, что они не родственники, а лишь однофамильцы. Однако это не спасло его, и после окончания митинга В. Н. Протопопов был убит неизвестными. Вместе с ним погиб и Кириллов³⁸. Их тела не могли быть доставлены ранее середины дня 5 марта.

Кроме В. Н. Протопопова и Л. Г. Кириллова из морских офицеров в список вошли А. К. Небольсин и В. М. Подгоричани-Петрович. Также в число погибших был включен еще целый ряд офицеров. В первую очередь нужно назвать самого командующего флотом вице-адмирала А. И. Непенина. Обстоятельства его гибели неоднократно затрагивали современники³⁹. Писали об этом и в ряде научных монографий⁴⁰, а также статей⁴¹.

Командующему флотом вскоре после 21 ч. 3 марта удалось провести переговоры с представителями команд кораблей. Также состоялись те-

леграфные переговоры одного из моряков с А. Ф. Керенским. Благодаря этим мерам на большинстве крупных кораблей — линкоров, крейсеров, минных заградителей — убийства офицеров прекратились. Во второй половине ночи стрельба продолжалась на небольших судах — миноносцах, тральщиках, а также в крепости Свеаборг.

Утро 4 марта тянулось в ожидании информации о прибытии в Гельсингфорс делегации из Петрограда. Представители экипажей многих кораблей и сухопутных частей с частью офицеров дожидались поезда прямо на Вокзальной площади Гельсингфорса. Отсутствие представителей новой власти из столицы, представителей высшего командования стали определяющими в «расслаивании» революционных моряков, т. е. появлению неконтролируемых групп, цели которых были весьма далеки от революции. Сложившуюся ситуацию флаг-капитан по оперативной части штаба флота капитан I ранга князь М. Б. Черкасский в разговоре по аппарату Юза с помощником начальника МГШ капитаном I ранга В. Е. Егорьевым в 12 ч. 45 мин. передавал так: «Команды разбились на группы, которые постановляют каждая свое <...>, поезд с депутатами запаздывает и, если не удастся найти почвы для соглашения до приезда депутатов, то я не знаю, чем все кончится»⁴². Около полудня на собрании делегатов кораблей в мастерской порта, которое было одобрено накануне А. И. Непениным и подтверждено им утром, был образован Совет судовых команд. В то же время таких органов, объединявших моряков разных соединений, было несколько. И. И. Ренгартен, в то время помощник флаг-капитана по оперативной части штаба флота, в дневниковых записях назвал еще Центральный комитет депутатов кораблей, разместившийся на «Императоре Павле I». Всего их в тот момент было, по мнению автора, три⁴³.

По-видимому, одним из них, связанным с личным составом береговой роты Минной обороны, и было предложено сместить с должности командующего флотом А. И. Непенина, заменив его собственным начальником, вице-адмиралом А. С. Максимовым. Что касается фигуры преемника, то, следуя дневниковым записям И. И. Ренгартена, а также воспоминаниям Г. К. Графа, исследователи традиционно называют начальника Минной обороны. Однако матрос I статьи «Севастополя» А. С. Штарёв в начале 1930-х гг. вспоминал, что матросы «Петропавловска» «чрезвычайно упорно настаивали и даже прямо взяли на себя инициативу выставить кандидатуру (на должность командующего флотом. — Д. Б.) адмирала Бахирева»⁴⁴. А комитет, заседавший на «Павле», по сообщению И. И. Ренгартена, вообще «признал действия командующего флотом (А. И. Непенина. — Д. Б.) правильными» и собирался повиноваться ему⁴⁵. Однако представители собрания, «избравшего» А. С. Максимова, отправились на Вокзальную площадь, начав агитацию против командующего.

В результате, по свидетельству Т. Липшика, за А. И. Непениным послали «нескольких человек с винтовками на посыльное судно „Кречет“»⁴⁶. Возможно, этот «караул» и вынудил А. И. Непенина, опасавшегося, что в противном случае матросы ворвутся и растащат шифры, карты и бумаги, идти с ними⁴⁷. В воротах Свеаборгского порта командующий флотом был застрелен. Полагаем, что убийство могло быть осуществлено матросами береговой роты с целью устранения препятствия на пути вице-адмирала А. С. Максимова к должности командующего Балтийским флотом. Косвенным подтверждением служат и личности, признававшиеся в этом сомнительном «подвиге». Одним из предполагаемых участников был матрос береговой роты П. А. Грудачёв⁴⁸. Еще одно признание было сделано в своей автобиографии в начале 1930-х гг. матросом той же роты И. Соловьевым⁴⁹.

Кроме командующего там же находился и его свояк, старший офицер крейсера «Диана» капитан II ранга Б. И. Рыбкин. Еще в ночь на 4 марта он и старший штурман, лейтенант П. П. Любимов, «сущие изверги», по определению П. Д. Малькова, служившего на крейсере, были заперты в каютах под охраной часовых⁵⁰. Основным мотивом для содержания под арестом старшего офицера крейсера, стал смотр, проведенный командующим флотом вице-адмиралом А. И. Непениным 22 февраля 1917 г. По итогам смотра был издан приказ, согласно которому матрос I статьи Д. Панасюк за то, что «не знал лиц Царствующего Дома и не был по форме выстрижен», был арестован на 8 суток. Командиру роты лейтенанту Н. П. Солодкову было «поставлено на вид» за плохую подготовку и внешний вид матросов роты (в т. ч. и Д. Панасюка). Также, являясь ответственным за качество продовольственного снабжения команды в феврале, он получил 7 суток домашнего ареста за неудовлетворительное качество поданной командующему пробы обеда. Из-за отсутствия командира, капитана I ранга М. И. Иванова, находившегося в командировке в Петрограде, решение принималось старшим офицером⁵¹.

О дальнейшем отправленная 19 марта в штаб флота радиограмма сообщила: «В 6,5 часов вечера отбыли с крейсера старший офицер крейсера капитан 2 ранга Рыбкин и старший штурманский офицер лейтенант Любимов и более не возвращались. Впоследствии тело капитана 2 ранга Рыбкина было опознано в числе трупов, находящихся в покойницкой военного госпиталя, а относительно лейтенанта Любимова сведений никаких не имеется»⁵².

Как это часто бывало в те дни, в тексте не хватало важных деталей. Их помог восстановить оставшийся в живых П. П. Любимов, который рассказал об этих событиях Г. К. Графу. Вечером 4 марта их увел с крейсера караул, чтобы доставить на гауптвахту. Однако по дороге между

«Дианой» и берегом их встретила еще одна группа «в матросской форме и зимних шапках без ленточек», вооруженная винтовками. Матросы «Дианы» не то убежали, не то были прогнаны. А убийцы несколько раз дали залпы из винтовок по офицерам. Оба упали. Лейтенант П. П. Любимов видел, как «убийцы подошли к капитану 2 ранга Рыбкину. Тот лежал без движения, но еще хрипел; тогда они стали его добивать прикладами и ещё несколько раз в него выстрелили». Штурману, получившему три раны навылет, удалось спастись с помощью мальчика-финна⁵³.

Еще двое офицеров служили на дивизии траления. Первым был командир миноносца «Ретивый» лейтенант А. Н. Репнинский, убитый после 21 ч. 3 марта. Т. Липпик, стоявший в это время на вахте, отметил, что офицер препятствовал зажжению красных клотиковых огней и начал стрелять. Результат был очевиден — «команда миноносца убила командира, и красные огни были подняты»⁵⁴. По данным Д. Л. Казанцева, Репнинский погиб от руки своего машиниста И. Корукина (Карюкина), застрелившего также и вахтенного офицера мичмана Д. М. Чайковского.

Возможно, значительную роль в начале волнений на небольших кораблях сыграл митинг рабочих Сандвикской верфи, в котором принимали участие и некие «молодые матросы»⁵⁵. Полагаем, что речь идет о моряках-сигнальщиках с транспорта «Русь». Другим стал командир миноносца № 218 старший лейтенант Н. К. Львов, погибший в эти же часы при невыясненных обстоятельствах⁵⁶. Также один офицер — упоминавшийся В. П. Подгоричани-Петрович — относился к экипажам заградителей.

В списке указаны и трое неопознанных морских офицеров. Личность одного из них, определенного как «Лепер Андреевич фон Витт» с линкора «Андрей Первозванный», оказалась ошибочной. На это указывает, во-первых, отсутствие офицера с такими инициалами на Балтийском флоте, а, во-вторых, отсутствие офицера в таком чине в составе экипажа «Андрея». Однако указание на наличие на воротнике буквы «В», а также принадлежность его к личному составу «Андрея Первозванного», позволяют отождествить его с Т. Т. Воробьевым.

В то же время в ночь с 3 на 4 марта 1917 г. выстрелом с берега был убит на стоящем у стенки Свеаборгского порта миноносце «Меткий» старший лейтенант П. Г. фон Витт⁵⁷. Можно предположить, что эта запись оказалась не вполне корректно соотнесенной, тем более, что следующим в списке шел неизвестный старший лейтенант. Наконец, третьим значился еще один мичман «среднего роста, молодой, усы стриженные, бороды нет, волосы русые»⁵⁸. Исходя из того, что тело мичмана А. Г. Булича с «Императора Павла I» находилось в Патологическом музее, погибший в Военном госпитале мог быть или М. Р. Шиманским, или Г. В. Биттенбиндером. Однако фотография последнего свидетельствует, что это

не мог быть Биттенбиндер — он не носил усов⁵⁹. Таким образом, представляется, что этим мичманом был М. Р. Шиманский с «Павла».

В Гельсингфорском военном госпитале находились тела и двух боцманов⁶⁰. Одно из них — полного, черного, с «бородой клином» — удалось опознать. Указание на миноносец «Боевой» как место его службы позволяет сделать вывод, что это боцман П. Бабич, убитый в одной из перестрелок примерно в одно время с Репнинским и Чайковским⁶¹.

Также в списке не похороненных оказался еще и один матрос. В документе он значится под фамилией «Бусаинов». Т. к. в дни Февральской революции убитых матросов в Гельсингфорсе было лишь двое, то установить его настоящую фамилию не составило труда. Речь идет о З. Х. Хусаинове. Он был офицерским вестовым на линкоре «Андрей Первозванный» и погиб во время перестрелки у кают-компаний⁶².

Из сухопутных офицеров в Военный госпиталь попали те, кто погиб поздно вечером 3 марта в Абосских казармах, расположенных в районе Кампи (Камппи), вокруг одноименного Кампенского плаца. Речь идет о трех офицерах полков Свеаборгской крепостной артиллерии. По сведениям Д. Л. Казанцева, около 23 ч. к казармам подошла группа, состоявшая из матросов и рабочих. Автор полагал, что они двигались из порта. Таким образом, это могли быть моряки береговой роты Минной обороны или Свеаборгской отдельной флотской роты. Они собирались увлечь за собой артиллеристов, т. е. «снять» 2-й Свеаборгский крепостной артиллерийский полк.

Их попытался остановить командир полка полковник Н. Д. Федченко. В ответ «какой-то негодяй <...> бросил <...> ручную гранату». Вторая граната, по словам автора, досталась подполковнику В. П. Евланову, также вышедшему на плац из казармы. Затем убийства продолжились в помещениях казарм, ставших для офицеров настоящей ловушкой. Там погиб командир одной из рот капитан П. А. Михайлов, а также старший унтер-офицер подпрапорщик П. В. Минин⁶³.

Кроме них, были и тела, чью принадлежность установить, как и в случае со списком из Патологического музея, не удалось. Таких оказалось семь. В отличие от предыдущего списка здесь наибольшее количество случаев — 5 — приходится на тех, информация о ком вызывает вопросы.

Первым в наиболее поздней части списка значится «старший лейтенант Ильвов» с миноносца № 213. Как и в случае с «мичманом Зыбиным», налицо явная ошибка. В Гельсингфорсе в этот период служил лейтенант Б. Я. Ильвов. Удалось установить, что в октябре 1917 г. он командовал миноносцем «Меткий», а затем участвовал в событиях Гражданской войны, оказавшись в Добровольческой армии в январе 1918 г. Позднее переехал в Сибирь, эмигрировал и проживал в Шанхае⁶⁴.

Данных по еще четверым на сегодняшний день не выявлено. Из них двое, по-видимому, офицеры флота, обозначены как лейтенанты Рябчинский и Ситкин. Еще двое — капитан Миханн и подпоручик Нижин — относились к сухопутным частям⁶⁵. Ситуация по этой группе осложняется тем, что ни в одном из списков погибших эти или схожие фамилии не фигурируют.

Также неопознанным остался один боцман «высокого роста, худой, усы стриженные, бороды нет, широкие скулы»⁶⁶.

Первой попыткой обобщить данные по погибшим стал «Список убитых офицеров, матросов и солдат». Он включил в себя уже 80 имен. Вошли в него и все опознанные ранее в Патологическом музее и Военном госпитале. Структурно список подразделяется на две части. В первой шли погибшие морские чины, во второй — сухопутные⁶⁷. Впрочем, нужно отметить и некоторые неточности. Они относятся к внесению пропавших без вести и выживших военных. Так, были обнаружены штурман крейсера «Диана» лейтенант П. П. Любимов и инженер-механик миноносца «Внушительный» лейтенант И. М. Герасимов, тяжело раненые, но выжившие. Кроме них, туда попал инженер-механик лейтенант Пашкевич с пометкой «неизвестно где». С такой фамилией и в этом чине был обнаружен единственный офицер — П. М. Пашкевич, который в 1921 г. был еще жив⁶⁸.

Аналогичным образом обстоят дела с мичманом Якобсоном. Полагаем, что речь идет об А. Н. Якобсоне, который впоследствии, в 1920 г., служил на подводных лодках⁶⁹. Кроме него как пропавшие без вести значатся подпоручик 512-го Дисненского пехотного полка Фолдорнов, прапорщик Свеаборгской крепостной телеграфной роты Близнюк, старшие фейерверкеры 1-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка Кожемякин и Каземиров. Однако подтверждения их смерти не обнаружено. Тем самым, численность «Списка» необходимо сократить, как минимум, на 8 чел., т. е. до 72.

Данные «Списка» значительно расширяют представления о погибших морских чинах. Кроме уже упоминавшихся в различных источниках 23 офицеров, унтер-офицеров и рядовых в нем впервые отмечена еще 21 фамилия (без учета П. П. Любимова и И. М. Герасимова). В первую очередь «Список» дополняет представления об убитых на миноносцах, кораблях сторожевой дивизии, дивизии траления, отряде транспортов. Это относится к командиру транспорта «Тральщик «Взрыв» капитану II ранга К. П. Гильдебрандту. Ф. К. Саберов, со ссылкой на воспоминания Б. В. Бьеркелунда, полагал, что его смерть могла состояться днем 4 марта⁷⁰.

Однако нам удалось обнаружить иные свидетельства. В первом номере «Известий Гельсингфорсского Совета» от 9 марта было опубликовано

заявление вдовы убитого Л. Гильдебрандт. В нем она обращалась с просьбой вернуть пропавшее с пальца мужа кольцо, указывая на обстоятельства его смерти: «В ночь с 3-го на 4-е марта, после чтения и объяснений матросам своей команды нового положения вещей, при сходе вниз вместе с командой был убит пробежавшими мимо него неизвестными для команды матросом и двумя солдатами мой муж капитан II ранга Кирилл Гильдебрандт»⁷¹. Впоследствии именно этот вариант воспроизвел в своих воспоминаниях Д. Л. Казанцев⁷². Впервые был назван и командир тральщика «Минреп» лейтенант А. Г. Бойе, погибший при невыясненных обстоятельствах⁷³. Также отмечен штабс-капитан по Адмиралтейству В. А. Балашов, служивший, согласно «Списку», на тральщике «Алеша Попович» (по данным Ф. К. Саберова, на тральщике «Искра», по данным С. В. Волкова — на тральщике «Святогор») ⁷⁴. Обстоятельства его смерти неизвестны. Д. Л. Казанцев отметил, что он погиб днем 4 марта⁷⁵. Однако упоминание его автором в одном ряду с А. О. фон Стихтом с транспорта «Твердо» может указывать на близость по времени их смертей. В таком случае, Балашов мог погибнуть раньше, т. е. утром того же дня.

Впервые были упомянуты офицеры с транспорта «Наш» — старший помощник командира штурман дальнего плавания Н. Христов и механик прапорщик по механической части П. Д. Кукулинский. Опубликованное Ф. К. Саберовым донесение начальника отряда транспортов в штаб флота сообщало, что тела офицеров могли спустить в прорубь. Такая версия хорошо объясняет запись в вахтенном журнале транспорта от 4 марта о пустых офицерских каютах, приведенную исследователем⁷⁶.

Внесен в «Список» назначенный накануне на должность начальника школы рулевых и сигнальщиков старший лейтенант барон Б. Э. Майдель. Погиб он, по-видимому, на транспорте «Русь», где и находились молодые матросы, проходившие обучение. А. П. Белобров, в своих «Воспоминаниях» припомнивший десятерых погибших офицеров, уверенно отметил обстоятельства гибели Майделя. Его, по мнению автора, «сбросили на лед с площадки трапа»⁷⁷. Возможно, подобная избирательность связана именно с драматическими обстоятельствами его гибели. Мотивами для убийства могли быть попытки матросов покинуть транспорт или добраться до оружия. На эту мысль наводит замечание Д. Л. Казанцева о «вооруженных, что называется, до зубов» матросах, смешавшихся около 21 ч. с митинговавшими рабочими Сандвикской верфи. Далее он отметил: «это были большей частью молодые матросы со стоявшего в Сандвикене транспорта “Русь”, служившего им временной казармой»⁷⁸.

В этот список попали фамилии офицеров, служивших на кораблях и в частях, входивших в охрану водного района Свеаборгской крепости. К ним было отнесено пятеро: капитан по Адмиралтейству А. А. Кри-

вицкий, штабс-капитан по Адмиралтейству П. А. Попов, подпоручик по Адмиралтейству И. И. Сафонов и прапорщик по морской части Е. А. Гепферт⁷⁹. Ф. К. Саберов в своей монографии высказал предположение, что последний, бывший командир посыльного судна «Кронштадт», мог погибнуть в арестном доме Свеаборгского порта, куда он был отправлен за то, что провел на корабль «женщину, одетую в форму прапорщика»⁸⁰.

Косвенно эту версию подтверждает сообщение Д. Л. Казанцева, что Гепферт, а также П. А. Попов были убиты толпой рабочих на улице в районе Скатудден (Катаянокка), т. е. рядом со Свеаборгским портом. Необходимо отметить, что в одной группе с ними автор назвал попавшего в «Список» подпоручика по Адмиралтейству Ф. Н. Бякова, офицера Свеаборгской отдельной флотской роты, являвшегося также и смотрителем арестного дома при порте⁸¹. Полагаем, такое соседство может являться аргументом в пользу гибели этих офицеров вследствие взятия этой тюрьмы. Автор также указал, что тогда же неизвестным был смертельно ранен и И. И. Сафонов⁸². Однако это вызывает сомнение, т. к. он был назван «караульным начальником», хотя он занимал должность ревизора штаба охраны водного района Свеаборгской крепости. Караульным начальником мог быть, скорее, находившийся в том же чине Ф. Н. Бяков. О личности пятого — С. М. Сыробоярского — сообщим ниже.

Зафиксированы в списке и погибшие днем 4 марта морские офицеры. Около полудня нападению неизвестных подверглась кают-компания эскадренного миноносца «Эмир Бухарский». Воспользовавшись, по мнению Г. К. Графа, отсутствием караула и большей части команды, отправившейся на митинг, посвященный прибытию делегатов из Петрограда, неизвестные открыли по сидевшим и завтракавшим офицерам огонь. В результате погибли три офицера. Имена двоих установить удалось точно: старший лейтенант Г. Ф. Варзар и лейтенант Н. Н. Лауданский. Третьим Г. К. Граф называл некоего мичмана Нейберга⁸³. Старшим офицером эскадренного миноносца «Финн» был в это время лейтенант Г. Л. Нейберг, действительно погибший 4 марта 1917 г. Р. М. Мельников в своей монографии «Эскадренные миноносцы класса “Доброволец”», а затем и Ф. К. Саберов привели цитату из вахтенного журнала «Финна» за соответствующее число: «Сего числа убит на берегу в городе старший офицер миноносца лейтенант Генрих Львович Нейберг»⁸⁴. Вероятно, таким образом, подразумевалось, что Г. Л. Нейберг был убит вне корабля. Полагаем поэтому, что именно старший офицер «Финна» был третьим погибшим.

Также список пополнил сведения о погибших на линейных кораблях. Впервые была внесена фамилия старшего штурманского офицера линкора «Император Павел I» лейтенанта В. К. Ланге, заколотого шты-

ками и добитого прикладами на верхней палубе. О его убийстве, весьма жестоком, сообщали многие современники — Г. К. Граф, Д. Л. Казанцев, Н. А. Ховрин⁸⁵. Однако можно согласиться с мнением Ф. К. Саберова, что сами они не видели этого, передавая рассказы очевидцев⁸⁶. Вероятным источником этих сведений мог быть инженер-механик «Павла» мичман М. И. Савич-Заблоцкий. Во всяком случае, именно на его рассказ сослался другой офицер с этого корабля, мичман Н. А. Тиканов, в своих воспоминаниях 1917 г. для редакции журнала «Морской сборник». Он сообщил, что вечером 3 марта Савич-Заблоцкий и Ланге возвращались с берега, были арестованы пятью вооруженными матросами и доставлены на линкор. На палубе и состоялся «демократический суд», после которого В. К. Ланге был поднят на штыки⁸⁷.

Присутствуют и три фамилии унтер-офицеров с «Андрея Первозванного» — старшего боцмана П. И. Графчева, артиллерийского кондуктора В. А. Нефёдова и сверхсрочнослужащего боцмана И. Храмлиюка⁸⁸. Судя по воспоминаниям унтер-офицера линкора П. Суслова, опубликованным в 1917 г. и использованным позднее Д. Л. Казанцевым, И. Храмлиюк, по-видимому, погиб раньше. Он попытался покинуть корабль вскоре после начала кровопролития вместе с группой матросов «Андрея». На льду он был замечен одним из матросов «Славы», который и заколол его⁸⁹. В. А. Нефёдов, по свидетельству Суслова, после переговоров с командиром, капитаном I ранга Г. О. Гаддом, т. е. ночью 4 марта был жестоко избит, получил огнестрельное ранение и, возможно, потерял сознание. Потом, когда он очнулся, его продолжили добивать. Даже П. Суслов заметил: «Да[,] страшен суд толпы. Страшна месть самосуда». В конце концов, его выбросили на лед, где его добила винтовочным выстрелом в висок⁹⁰. Под утро был застрелен в своей каюте П. И. Графчев. Его смерть, по версии П. Суслова, была связана с попыткой сообщить командиру имена убийц начальника бригады контр-адмирала А. К. Небольсина⁹¹.

Наконец, в списке отмечен и некий матрос Данилов⁹². Указано, что он служил при штабе Минной обороны. Однако больше ни в одном источнике упоминаний об этом нижнем чине не встречается, поэтому дополнительной информацией о нем мы не располагаем.

После стрельбы на кораблях и в городе волнения начались среди полков, находившихся в Свеаборгской крепости. Поэтому не удивительно, что данные списка дополняют сведения о погибших русских военных из частей, находившихся в крепости. Д. Л. Казанцев отметил, что зачинщиками, как и в 1906 г., стали солдаты минной роты, находившиеся на наиболее крупном — Комендантском — острове. Их попытался успокоить командир 1-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка полковник А. А. Святский (Свяцкий). Попытка оказалась неудачной,

и он был убит неизвестными солдатами⁹³. Об убийстве Святского «вроде по ошибке» вспоминал позднее и прапорщик того же полка Д. С. Тахчогло⁹⁴. Однако он передавал то, что слышал, т. к. его рота находилась на Передовом острове. Практически одновременно с ним погиб и штабс-капитан П. Н. Алексеев, начальник крепостного артиллерийского склада, а также подпоручик Н. И. Колесников⁹⁵. Оба офицера попали в «Список»⁹⁶.

По мнению Д. Л. Казанцева, после этих событий солдаты-артиллеристы отправились на Лагерный остров, где стали поднимать 512-й Дисненский пехотный полк. В «Списке убитых офицеров, матросов и солдат» приведены фамилии погибших, по-видимому, в это время военнослужащих — командира полка полковника А. А. Ненарокова (в источнике ошибочно «Ненароков»), а также сверхсрочнослужащего Бабычева⁹⁷. Д. Л. Казанцев добавил к этим данным офицера крепостного артиллерийского управления капитана К. Т. Федорова⁹⁸.

Одновременно, т. е. после 22 ч., начались беспорядки среди рот 1-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка, размещенных на о. Передовой. Солдаты начали одевать шинели и разбирать винтовки. Попытки фельдфебелей их удержать были бесполезны. Так, офицеру 7-й роты прапорщику А. Т. Коровину, который пытался их удержать, солдаты посоветовали «идти по хорошему», т. к. «с флоту приказали делать революцию». Офицеры, вернувшиеся в свою казарму, были вскоре разоружены и помещены под караул⁹⁹. По подсчетам Д. С. Тахчогло, только на острове Передовой, где находились казармы его полка, было убито три фельдфебеля, трое жандармских унтер-офицеров, на других островах — еще не менее одиннадцати фельдфебелей¹⁰⁰. В список убитых было внесено шесть фамилий убитых подпрапорщиков полка, занимавших эти должности: Кседзов, Стахеев, Федотов, Луговцев, Брехонов и Грехнёв¹⁰¹.

Д. С. Тахчогло сообщил некоторые сведения об обстоятельствах гибели фельдфебеля 10-й роты подпрапорщика Луговцева. Полковые офицеры ужинали, когда в столовую вбежал Луговцев «в шинели без пахахи, в руке обнаженная шашка, лицо и руки в крови». Он кричал, обращаясь к капитану М. В. Бастракову, что его «хотят убить»¹⁰². Затем он успел сообщить, что после проверки караулов «прилег в дежурке». Раздался стук в дверь, один из стучавших крикнул, что Луговцева требуют в ротное помещение. Он не отозвался, и тогда стучавшие начали ломать дверь. Подпрапорщик выпрыгнул в окно. Некоторое время он скрывался в офицерской столовой, куда постепенно сошлись все представители командного состава. Далее Д. С. Тахчогло вспоминал: «Вдруг распахнулись ставни. В них стали кричать: „Отдайте шкуру!“». Луговцев предпринял попытку скрыться. Он спрятался в комнате А. Т. Коровина, но его нашли и там

убили. В ротной канцелярии застрелили другого унтер-офицера из приведенного списка — фельдфебеля 7-й роты подпрапорщика Грехнёва¹⁰³.

Важную роль в этих событиях сыграли солдаты 428-го Лодейнопольского полка, расквартированные по всему городу. По воспоминаниям Д. Л. Казанцева, после 23 ч. дежурная рота полка была выдвинута по приказу командира, полковника Ф. Э. Чарноцкого, из Гвардейских казарм около Свеаборгского порта на лед для пресечения возможных выступлений моряков в крепость и солдат в город. Однако солдаты, смешавшись с моряками береговой роты Минной обороны, молодыми матросами с транспорта «Русь», возвратились обратно¹⁰⁴. По данным «Списка», погибли дежурный офицер прапорщик В. А. Проскуряков, а также старший штаб-офицер полковник В. А. Вольбек¹⁰⁵. В записи от 12 марта «Журнала военных действий» полка содержится дополнение, что «во время вышеуказанных беспорядков погиб командир 4 батальона <...> капитан Фанстиль»¹⁰⁶.

В «Списке убитых офицеров, матросов и солдат» указаны и не отмеченные в отчетах Патологического музея и Военного госпиталя русские военные. Прежде всего, это относится к личному составу 2-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка. Кроме трех офицеров и одного подпрапорщика, вошедших в список погибших, предоставленный Военным госпиталем, перечень, составленный секцией охраны народной свободы, включает имена еще троих. Это подпоручик Н. М. Федоров, прапорщик Вирский и подпрапорщик А. Н. Селезнев¹⁰⁷. Обстоятельства гибели первого остаются неизвестными. Что касается второго, то, возможно, речь идет о В. С. Виняво-Вирском. Один из солдат-артиллеристов указал в своих воспоминаниях 1917 г., что он «был убит 4 марта матросами»¹⁰⁸. Д. Л. Казанцев отметил в своих воспоминаниях, что он был убит днем в городе, неподалеку от квартиры своей матери¹⁰⁹. А. Н. Селезнев был назван Казанцевым в числе погибших во время «снятия» полка в Абосских казармах вечером 3 марта вместе с подпрапорщиком П. В. Мининым¹¹⁰. Косвенно это подтверждается и нахождением рядом их фамилий в «Списке убитых офицеров, матросов и солдат»¹¹¹. Указан в перечне и единственный погибший офицер 509-го Гжатского пехотного полка прапорщик Ф. Федоров¹¹². По утверждению Д. Л. Казанцева, он был прикомандирован «для занятий» к военно-цензурной комиссии и погиб днем 4 марта в помещении, которое она занимала¹¹³.

В тот же день, 8 марта 1917 г., «Список раненых, убитых и без вести пропавших офицеров флота и Морского ведомства» направил в Морской генеральный штаб командующий флотом вице-адмирал А. С. Максимов¹¹⁴. Полагаем, что в части убитых командующий и члены Совета пользовались одними данными, т. к. их фамилии совпадают. Однако от-

мечается одно дополнение. В «Списке убитых офицеров, матросов и солдат» среди офицеров охраны водного района Свеаборгской крепости был указан поручик С. М. Сыробоарский¹¹⁵. Логичным выглядело предположение, что он относится к офицерам по Адмиралтейству, следовательно, должен был попасть в приказы о выбытии по флоту и морскому ведомству. Однако исследователи вопроса его фамилию не обнаружили. По этой причине в списки убитых он не вносился¹¹⁶. В то же время в списке командующего флотом Сыробоарский указан как «поручик армии». В записи метрической книги церкви Гельсингфорского военного госпиталя от 14 октября 1915 г. о браке В. М. Подгоричани-Петровича и М. А. Евлановой в качестве поручителя по невесте С. М. Сыробоарский отмечен как поручик 112-го Уральского пехотного полка¹¹⁷. Поэтому можно предположить, что перевод С. М. Сыробоарского в морское ведомство не был завершен, поэтому на него и нет приказа.

Что касается захоронения погибших, то оно значительно растянулось по времени. В большинстве случаев похороны производились родственниками на месте, т. е. в Гельсингфорсе. Наиболее полные данные об этом были приведены Д. Л. Казанцевым. Судя по его сведениям, хоронили на трех кладбищах столицы Финляндии — городском православном, военном и лютеранском¹¹⁸. Для составления списка мемуарист воспользовался чертежом, составленным 25 июля 1921 г. бывшим офицером русской армии полковником А. М. Кондыревым. В годы войны он служил в составе 1-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка.

Копия чертежа и пояснительного списка к нему была нами обнаружена осенью 2009 г. в деле, озаглавленном «Список военнослужащих, погибших во время войны и революции и погребенных на Гельсингфорском православном кладбище»¹¹⁹. Оно состоит всего из трех листов. Два из них представляют собой список с указанием номера могилы, участка, фамилии и инициалов умершего, чина и звания, места службы, если оно было известно составителю, и датой смерти¹²⁰. Третий лист является планом кладбища с указанием мест могил, характеристикой их внешнего вида (наличие памятника, гранитного обвода или только холмика). В правом нижнем углу стоит подпись, что список и схему «составил и чертил полковник А. Кондырев»¹²¹.

В 2011 г. оно было введено нами в научный оборот при подготовке статьи «Гельсингфорский мариолог»: русские военные моряки, погибшие 3–4 марта 1917 г. и захороненные на Гельсингфорском православном кладбище»¹²². В 2018 г. его при подготовке монографии активно использовал Ф. К. Саберов. План кладбища был, хотя и весьма схематично, воспроизведен в приложениях¹²³. Всего в деле указаны данные 55 чел. Необходимо отметить, что не все относятся к погибшим в мартовские

дни, а также не все являются военными. По нашим подсчетам, там похоронено 30 убитых¹²⁴.

Д. Л. Казанцев привел сведения о еще 10 похороненных на военном кладбище и 1 — на лютеранском кладбище¹²⁵.

Отдельных случаев тела увозились родными на родину. Д. Л. Казанцев указал на четыре таких случая¹²⁶.

В случае отсутствия родственников или невозможности с ними связаться похороны брали на себя местные военные власти. Судя по выявленному запросу об оплате услуг от 18 марта, этим занималось комендантское управление Гельсингфорса. В ночь с 7 на 8 марта 18 погибших было захоронено в братской могиле у пригородной станции Мальм¹²⁷. Отдельно по неизвестным причинам на местном православном был захоронен поручик корпуса корабельных инженеров Л. Г. Кириллов. Схема и примерный перечень были затем переданы в Гельсингфорский Совет¹²⁸. Наконец, И. Корюкин и З. Х Хусаинов были торжественно погребены 17 марта как «жертвы революции» в Брунспарке¹²⁹.

Таким образом, на основании сопоставления имеющихся документальных свидетельств потери в личном составе русских военных в Гельсингфорсе можно оценить следующим образом. Достоверно установлена гибель 36 офицеров флота и морского ведомства. Еще два случая — прапорщика по Адмиралтейству Г. В. Проскуракова и поручика С. М. Сыробоярского — требуют дальнейшего изучения и уточнения сведений. О последнем невозможно даже утверждать однозначно, являлся ли он к моменту исследуемых событий морским офицером. Также были убиты 7 старших унтер-офицеров и 3 матроса. В общей сложности погибло от 46 до 48 военных моряков. Тем самым, можно утверждать, что потери флота в офицерах советскими и некоторыми современными исследователями по Гельсингфорсской военно-морской базе (45 чел.) завышались.

Что касается погибших среди личного состава сухопутных частей, то нам удалось выявить факты и обстоятельства смерти 19 офицеров, 9 подпрапорщиков и 1 рядового-сверхсрочнослужащего. Еще четверо — 2 офицера и 2 старших унтер-офицера — в начале марта числились пропавшими без вести. Об их дальнейшей судьбе сведениями на сегодняшний день мы не располагаем. Поэтому можно определить численность в 29–33 чел. Общее количество русских военных, убитых в столице Финляндии в период 3–5 марта, т. е. непосредственно в ходе Февральской революции, колеблется между 75 и 80.

Принадлежность жертв к частям и экипажам, а также их состав позволяют классифицировать кровопролитие в Гельсингфорсе как в большей степени охватившее флот. Об свидетельствует большее число погибших моряков. В то же время оно выглядит вполне революционным,

т. к. среди погибших преобладают представители командного состава (55 из 75 погибших, т. е. более 73%) и старшие унтер-офицеры (16 из 75, т. е. более 21%). Революционность проявилась и в жестокой изоциренности отдельных убийств, о чем с ужасом вспоминали не только офицеры, но и некоторые нижние чины.

В целом, можно утверждать, что события, подобные тем, что наблюдались в столице Финляндии, свидетельствовали отнюдь не о мирном характере начавшейся революции, а о стремительном созревании к Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Ардов Т.* Россия свободна // Утро России. 1917. 2 марта; [Керенский А. Ф.]. Обращение министра юстиции // Новое время. 1917. 5 марта.

² *Волынский С.* [Б/н] // Волна. 1917. 29 апреля.

³ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁴ Резолюция полкового комитета II Свеаборгского артиллерийского крепостного полка // Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта (далее — Известия). 1917. 21 марта; Протокол № 10 заседания Исполнительного Комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта // Известия. 1917. 22 марта.

⁵ *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М. — Л., 1966. С. 52.

⁶ *Чижов А. М.* «Не скажут ни камень, ни крест, где легли...»! / Мартиролог // Андреевский флаг. Межрегиональный морской информационно-исторический вестник. 1992. № 3. С. 51; № 4. С. 49.

⁷ *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 30.

⁸ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 1993. С. 10; *Елизаров М. А.* «...Здесь было много стихийного, слепого и страшного мщения» // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 46.

⁹ См. об этом: *Лобыцын В. В.* «Я русской крови не пролью...» // Вокруг света. № 1 (2688). Январь 1998. С. 23–24.

¹⁰ *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М., 2017. С. 182–183.

¹¹ *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. Матросский бунт 1917 г. СПб., 2018.

¹² *Kansallisarkisto* (далее — КА). Русская военная коллекция. Д. 7240; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150.

¹³ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. ЛЛ. 151–152.

¹⁴ Там же. ЛЛ. 144–145; Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 252. ЛЛ. 1–2.

¹⁵ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. С. 129–134.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 106.

¹⁷ *Граф Г. К.* На «Новике». СПб., 1997. С. 279; *Ховрин Н.[А.]* В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. № 5 (20). С. 57–58.

¹⁸ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 274–275.

¹⁹ Там же. С. 269–270; *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 24–25.

²⁰ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 135.

²¹ Там же. Ф. 479. Оп. 3. Д. 1067. Л. 96.

²² Там же. Л. 98.

²³ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 73.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 1067. Л. 98.

²⁵ *Мазуренко К. И.* На «Славе» в Рижском заливе // Слава и трагедия балтийского линкора. М., 2013. С. 222.

²⁶ КА. Русская военная коллекция. Д. 7240; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150.

²⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 55. Л. 54.

²⁸ *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 87.

²⁹ КА. Русская военная коллекция. Д. 7240; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150.

³⁰ Там же.

³¹ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 99–100.

³² КА. Русская военная коллекция. Д. 7240; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150 об; *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 97, 99. В то же время наличие двух убитых противоречит словам автора, что «волховцы поддержали своего командира, прогнав матросов» (*Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 97).

³³ КА. Русская военная коллекция. Д. 7240; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150 об.; *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 97.

³⁵ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 391.

³⁵ *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 114.

³⁶ КА. Русская военная коллекция. Д. 7240; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150.

³⁷ *Волков С. В.* Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 185; *Бойков В.* Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллинн, 2009. С. 139–140.

³⁸ Рассказ Т. Липпика // РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 12 об.; *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 109–110.

³⁹ См., напр.: *Граф Г. К.* На «Новике». С. 262–263; *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 226–230; *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 105–106.

⁴⁰ Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. С. 106–123; *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 94–102.

⁴¹ См., напр.: *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 22–33; *Панова А. В.* Убийство адмирала А. И. Непенина во время февральской революции 1917 г. на Балтийском флоте // Человек и общество: история и современность: межвузовский сб. научн. тр. Вып. 9. Воронеж, 2010. С. 68–71; *Бажанов Д. А.* Убийство командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. И. Непенина 4 марта 1917 г. // Революция 1917 г. в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. С. 30–40.

⁴² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 120.

⁴³ Февральская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 32. С. 109.

⁴⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 9618. Оп.1. Д. 108. Л. 124.

⁴⁵ Февральская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 32. С. 110.

⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 8.

⁴⁷ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 227–228.

⁴⁸ *Грудачѳ П. А.* Багряным путем гражданской. Симферополь, 1974. С. 3–4.

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 116. Л. 251.

⁵⁰ *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 13–14; *Граф Г. К.* На «Новике». С. 280.

⁵¹ РГАВМФ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 51. Л. 39; *Солодков Н. П.* Митяй // Солодков Н. П. Морские рассказы. Париж, 1968. С. 55–57.

⁵² РГАВМФ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 50. Л. 7 об.

⁵³ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 280.

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 3 об.

⁵⁵ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 76, 81.

⁵⁶ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 283; *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 76.

⁵⁷ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 282.

⁵⁸ КА. Русская военная коллекция. Д. 7240; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150 об.

⁵⁹ См.: *Белобров А. П.* Воспоминания военного моряка. 1874–1979. М., СПб., 2008. С. 233; *Георгий Васильевич Биттенбиндер, мичман* // geni.com [Электронный ресурс] — URL: [https://www.geni.com/people/Георгий-Биттенбиндер-мичман/6000000084596140893#:~:text=\(дата обращения — 19.01.2022\).](https://www.geni.com/people/Георгий-Биттенбиндер-мичман/6000000084596140893#:~:text=(дата%20обращения%20—%2019.01.2022).)

⁶⁰ КА. Русская военная коллекция. Д. 7240; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150.

⁶¹ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 281.

⁶² Там же. С. 269–270.

⁶³ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 83.

⁶⁴ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 78. Л. 69; *Волков С. В.* Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. С. 194.

⁶⁵ КА. Русская военная коллекция. Д. 7240; РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. ЛЛ. 151–152.

⁶⁸ Пашкевич Павел Мечиславович // Відкритий список [Открытый список] [Электронный ресурс] — URL: [https://ua.openlist.wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB_%D0%9C%D0%B5%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1886\)_\(дата_обращения:_19.01.2022\).](https://ua.openlist.wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB_%D0%9C%D0%B5%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1886)_(дата_обращения:_19.01.2022).)

⁶⁹ Список командного состава Балтийского флота (вторая половина 1920 г.) / Красный Балтийский флот // Форум журнала «Кортик» [Электронный ресурс] — URL: <http://kortic.borda.ru/?1-17-0-0000027-000-0-0>. (дата обращения: 19.01.2022).

⁷⁰ *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 80.

⁷¹ [Гильдебрандт Л.] Заявление // Известия. 1917. 9 марта.

⁷² Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 75–76.

⁷³ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151 об.

⁷⁴ Там же; *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 125; *Волков С. В.* Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. С. 33.

⁷⁵ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 95.

⁷⁶ *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 82.

⁷⁷ *Белобров А. П.* Воспоминания военного моряка. 1874–1979. С. 249.

⁷⁸ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны.. 81.

⁷⁸ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151.

⁸⁰ *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 75.

⁸¹ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 76.

⁸² Там же. С. 103.

⁸³ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 283.

⁸⁴ Цит. по: *Мельников Р. М.* Эскадренные миноносцы класса «Доброволец». СПб., 1999. С. 53; *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 88.

⁸⁵ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 279; *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 74; *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. М., 1987. С. 61.

⁸⁶ *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 66.

⁸⁷ Рассказ мичмана Тиканова // РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. ЛЛ. 19–19 об.

⁸⁸ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151.

⁸⁹ *Суслов П.* Сутки на «Андрее Первозванном» (продолжение) // Известия. 1917. 9 июня.

⁹⁰ Там же. 1917. 10 июня.

⁹¹ Там же. 1917. 13 июня.

⁹² РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151.

⁹³ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 84–85.

⁹⁴ *Тахчозло Д. С.* Начало «великой бескровной» в крепости Свеаборг // Архивное собрание ДРЗ им. Александра Солженицына (далее — АСДРЗ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

⁹⁵ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 85.

⁹⁶ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151 об.

⁹⁷ Там же. ЛЛ. 151 об., 152.

⁹⁸ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 85.

⁹⁹ АСДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. ЛЛ. 2–4.

¹⁰⁰ Там же. Л. 7.

¹⁰¹ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151 об.

¹⁰² АСДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

¹⁰³ Там же. ЛЛ. 5–6.

¹⁰⁴ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 83.

¹⁰⁵ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151 об.

¹⁰⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2977. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.

¹⁰⁷ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151 об.

¹⁰⁸ *Харламов И.* Пережитое (окончание) // Известия. 1917. 25 июля.

¹⁰⁹ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 102.

¹¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹¹ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 152.

¹¹² Там же.

¹¹³ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 95.

¹¹⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. ЛЛ. 205–206.

¹¹⁵ Там же. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151.

¹¹⁶ Этим же объясняется отсутствие упоминаний среди погибших прапорщика по Адмиралтейству Г. В. Проскуракова, хотя в изученных списках его фамилия значится (См.: РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151; Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 206).

¹¹⁷ Центральный государственный архив исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 128. Д. 1811. Л. 201.

¹¹⁸ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 129–133.

¹¹⁹ РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 252.

¹²⁰ Там же. ЛЛ. 1–2.

¹²¹ Там же. Л. 3.

¹²² *Бажанов Д. А.* «Гельсингфорский мартиролог»: русские военные моряки, погибшие 3–4 марта 1917 г. и захороненные на Гельсингфорском православном кладбище // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция 15 марта 2010 г. СПб., 2011. С. 47–54.

¹²³ *Саберов Ф. К.* Трагедия Балтийского флота. С. 122.

¹²⁴ РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 252. ЛЛ. 1–2.

¹²⁵ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 132–133.

¹²⁶ Там же. С. 134.

¹²⁷ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1302. Л. 70.

¹²⁸ Там же. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. ЛЛ. 144–145.

¹²⁹ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 114; Фотографию братской мемориальной могилы см.: Центральный военно-морской музей (ЦВММ). Фонд фотографий и негативов. № 035206.

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов Д. А. «Гельсингфорский мартиролог»: русские военные моряки, погибшие 3–4 марта 1917 г. и захороненные на Гельсингфорском православном кладбище // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция 15 марта 2010 г. СПб., 2011. С. 47–54.

Бажанов Д. А. Февральская революция в Гельсингфорсе: столица Финляндии 3–5 марта 1917 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (1). С. 153–177.

Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. 560 с.

Саберов Ф. К. Трагедия Балтийского флота. Матросский бунт 1917 г. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2018. 240 с.

Смолин А. В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 22–33.

Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 200 с.